

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Н. А. МЕЩЕРСКИЙ

К вопросу об источниках «Изборника 1076 года»

«Изборник», датируемый 1076 годом, будучи одним из немногих письменных памятников, дошедших до нас от XI в. в оригинале и содержащий точную дату своего написания, справедливо признается ценнейшим и важнейшим свидетельством о состоянии русского письменного языка киевской эпохи, заслуживающим всестороннего глубочайшего изучения. Такому исследованию в значительной мере способствует образцово выполненное коллективом Института русского языка АН СССР в 1965 г. издание этого памятника, с максимальной точностью воспроизводящее рукопись.¹

Одна из наиболее актуальных проблем, связанных с изучением «Изборника 1076 г.», состоит в установлении тех источников, греческих или древнеславянских, к которым восходят его отдельные статьи. За последние годы, в связи с подготовкой названного научного издания и особенно после выхода его в свет, появилось немало работ, посвященных этой проблеме, как в нашей стране, так и за рубежом.²

Непосредственной целью настоящей статьи будет подробное сопоставление заключительной статьи «Изборника 1076 г.», озаглавленной «О милостивѣмъ Созоменѣ и о томъ, како даяи нищемоу <сто>рицею прииме» (лл. 269—275 об. рукописи, стр. 687—700 издания), с его непосредственным источником, которым может быть признан древнеславянский перевод византийского Жития Нифонта. Как правильно отмечено В. Ф. Дубровиной в статье «О греческих параллелях к Изборнику 1076 г.», первым обратил внимание на сходство статьи о Созомене с одной из глав Жития Нифонта еще Н. И. Петров в книге, посвященной происхождению и составу славяно-русского печатного Пролога.³ Недавно подробное сопоставление обоих названных памятников произвел французский славист Ж. Леписье.⁴ Некоторые наблюдения по поводу инте-

¹ Изборник 1076 года. Издание подготовили В. С. Гольщенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. М., 1965.

² В. Ф. Дубровина. 1) О греческих параллелях к Изборнику 1076 г. — ИЮЛЯ, 1963, вып. 2, стр. 104—110; 2) О привлечении греческих параллелей для прочтения переводных славяно-русских текстов. — В сб.: Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963, стр. 36—45. См. также зарубежные исследования: M. Widnäs. Venäläisenä pidetty opetuskokolonia Sbornik Svjatoslava. — «Logos», N 14, 1963, pp. 23—30; H. E. Lunt. On the Izbornik of 1076. — Unbegann Festschrift. New York, 1968; R. H. Whitman. A textological note on the Izbornik; Die Welt der Slaven, Wiesbaden, 1967, Bd. 12, H. 1, pp. 67—73.

³ Н. И. Петров. О происхождении и составе славяно-русского печатного Пролога. Киев, 1875, стр. 219.

⁴ Jacques Lepissier. Une source de L'Izbornik de 1076. — Revue des études slaves, t. 45, 1966, pp. 39—47.

ресующих нас источников были сделаны также в статье американского филолога Игоря Шевченко.⁵

Еще Д. И. Абрамович вслед за И. И. Срезневским установил, что составитель «Изборника 1076 г.» при своей работе пользовался не только греческими источниками, но и славянскими их переводами. В частности, по мнению Д. И. Абрамовича, отдельные Вопросы Анастасия Синаита восходят к соответствующим местам Изборника Святослава 1073 г.⁶

Вероятно, подобным же образом могло обстоять дело с источником статьи «О милостивом Созомене». Однако среди греческих текстов, послуживших источниками для различных статей «Изборника 1076 г.» и опубликованных в академическом издании данного памятника, текста Жития Нифонта нет. По всей видимости, это может быть объяснено тем, что, как заметила В. Ф. Дубровина, «в отношении опубликованного греческого списка Жития XII в. и приведенных вариантов других рукописей (по изданию А. В. Рыстенко, см. прим. 8, — Н. М.) текст Изборника допускает много пропусков и отклонений, особенно в части, касающейся описания рая; последний лист статьи вообще не имеет параллели в Житии».⁷

Житие Нифонта — своеобразный памятник византийской литературы подчеркнуто аскетического и мистического направления, пользовавшийся на греческой почве широким распространением. В свое время А. В. Рыстенко подготовил публикацию этого памятника в греческом оригинале и в древнеславянском переводе.⁸ В названном издании, опубликованном посмертно, мы находим тексты двух редакций греческого Жития Нифонта, из которых первая, пространная редакция, напечатана по списку XII в. Афонского Пантелеймонова монастыря, № 5585 (79), с вариантами по пяти другим спискам. Тут же издана и краткая редакция памятника, а также ряд греческих извлечений из Жития Нифонта, находящихся в списках, хранящихся в той же библиотеке.

В статье «О милостивом Созомене» «Изборника 1076 г.» непосредственно отразился текст главы 69 согласно первой редакции Жития Нифонта. Эта глава представлена и в виде самостоятельного произведения, бытовавшего на византийской почве. Под заглавием «Глава зело полезная о милостивом Созомене» данный отрывок отмечен в списках Венской национальной библиотеки (X в.) и Каноницианском списке Бодлейанской библиотеки (XV—XVI вв.). И. Шевченко недавно опубликовал греческий текст названного отрывка по списку Венской библиотеки.⁹

Древнеславянский перевод Жития Нифонта сохранился тоже в нескольких редакциях. Наиболее полный текст славянского перевода, соответствующий первой греческой редакции этого памятника, представлен древнейшим списком, датированным 1219 г. (ГБЛ, Троицкое собр., № 35); по этому списку, с вариантами по семи позднейшим рукописям, текст древнеславянского перевода издан в книге А. В. Рыстенко.¹⁰ Кроме того, в этой же книге опубликован текст более поздней редакции

⁵ Ihor Ševčenko. One some sources of prince Svjatoslavs Izbornik of the Year 1076. *Orbis Scriptus D. Tschizewskij zum 70. Geburtstag*, München, 1966, pp. 723—738.

⁶ Д. И. Абрамович. До питання про джерела Изборника Святослава 1076 року. — *Науковий збірник Ленінгр. т-ва дослідників української історії, письменства та мови*, т. 2, Київ, 1929, стр. 65—74.

⁷ В. Ф. Дубровина. О греческих параллелях..., стр. 108.

⁸ Матеріали з історії візантійсько-слов'янської літератури та мови. Підготував до друку А. В. Рыстенко. Одеса, 1928. В издании греческий текст 1-й редакции Жития Нифонта занимает стр. 3—186.

⁹ Ihor Ševčenko. One some sources..., pp. 734—735.

¹⁰ См.: Матеріали з історії..., стр. 291—384.

славянского перевода по списку ГПБ, собр. Соловецкой библиотеки, № 525 (212).¹¹

Как показывает текстуальное сопоставление статьи «Изборника 1076 г.» с Житием Нифонта, источником для статьи «О милостивом Созомене» явился именно славянский перевод в его полной редакции, а не какая-либо краткая выборка из греческого текста Жития, как это можно было предположить на основании материалов, опубликованных у И. Шевченко.

Как было доказано исследованиями К. И. Ходовой, древнеславянский перевод Жития Нифонта был осуществлен в X в. в Восточной Болгарии. Лексика этого древнего перевода, по-видимому, была сохранена без каких-либо существенных изменений и в списке 1219 г.¹² Перейдем к сопоставлению обоих текстов.

Рассматривая отличия, которыми характеризуется статья «О милостивом Созомене» в «Изборнике 1076 г.» по сравнению с его древнеславянским источником, целесообразно эти замены разделить на три основные группы, между которыми существует тесная взаимосвязь и внутри которых естественно усматривать и явления промежуточного типа.

Первая группа отличий может быть условно названа отличиями или изменениями идеологического характера. Заметнее всего эти отличия выделяются в заключительных строках обоих текстов. Греческое Житие Нифонта и в полном соответствии с этим и его древнеславянский перевод завершают главу 69, где приводится рассказ о Созомене, сообщением о том, как этот человек, вняв евангельским заветам, «заутра вѣставъ раздая нищимъ, и отвьргся мира, быс(ть) чюднь чьрньць». Эта концовка в статье «Изборника» устраняется, и вместо нее статья «О милостивом Созомене» имеет иной конец: «И бысть милостивъ зѣло на оубогыя, яко слышати всѣмъ коньцемъ земла, милостивое его житие и штедроты, яже на всѣкомъ члвцѣ, и бысть угодынь боу и члвкомъ» (л. 275). За этим следует нравоучение, которое полностью отсутствует как в греческом тексте Жития Нифонта, так и в его древнеславянском переводе. Приведем это место: «Иже всхочеть самовольствѣмъ и льготою бес троуда спсти дшѣ свою, мастынею можеть спсти ѣж милоуяи бо н(иш)та боу въ займъ да(е)ть, и сѣяи съ блгсл(о)влениемъ і съ блгслвлениемъ пожьнеть жизнь въчьноуѣ. Яко же самъ гъ въ Еуангелии глеть. Блжни милостивии яко ти помиловани боудоуть: боу (же) нашему слава І нынѣ» (л. 275—275 об.).

Приведенную концовку Ж. Леписье признает целиком за плод труда древнерусского составителя «Изборника»; по мнению французского исследователя, эти строки «обличают автора, еще мало искушенного в словесном искусстве». По предположению И. Шевченко, л. 275 «Изборника» мог примыкать к предыдущему не непосредственно, и между л. 274 и следующим мог быть какой-либо впоследствии утраченный лист, на котором содержался конец истории о Созомене. Однако такое подозрение должно быть безусловно отвергнуто, ибо, как мы увидим далее, это характерное идеологическое изменение конца рассказа повлекло за собою достаточно заметную переделку и всего предшествующего контекста.

¹¹ Там же, стр. 385—544.

¹² К. И. Ходова. 1) Наблюдения в области словарного состава древнего славянского памятника (Житие Нифонта в русском списке 1219 г.). — Автореф. канд. дисс. М., 1952; 2) Из наблюдений над лексикой древнерусского списка Жития Нифонта 1219 г. — Ученые записки Инст. славяноведения АН СССР, т. 9, 1954, стр. 182—204.

Ж. Леписье справедливо усматривает в данной концовке статьи о Созомене ту же самую «лаицизацию» текста «Изборника», адресованного не монахам, а светским людям, «обмирщение», которое ярко сказалось и в других разделах памятника, например в замене заглавия статьи Василия Великого «Како подобает члвку быти». Известно, что в греческом оригинале этой последней статьи заглавие адресует ее монахам.

В полном соответствии с изменением конца и заключительной морализирующей сентенции находится и весь остальной строй рассказа о Созомене в «Изборнике».

В Житии Нифонта нравоучительное наставление Созомену произносит сам Христос («повелѣвая англь»). В «Изборнике» произносящим подобное наставление оказывается всего лишь один из рядовых ангелов. В соответствии с этим в самом наставлении опускается цитата из Евангелия от Матфея (гл. 19, ст. 29), выступающая в тексте Жития Нифонта в качестве основного содержания поучения. «Изборник» заменяет эту цитату изречением: «... всакъ бо облачаяи оубогааго Хса облачить, и всакъ съвлачая Ха съвлачить или накърмляя Хса накърмитъ и приметь» (л. 274). Это изречение представляет собою лишь незначительную модификацию подобного же морального предписания, встречающегося в «Изборнике» выше (л. 94—94 об.) — «Яко аште оубогааго облѣчеши. Хса облѣчеши. вса ко же съвлача·Хса съвлачиши», — где оно выступает в качестве составной части «Ио. Златоустааго слово» (л. 85).

В «Изборнике» путеводителем Созомена по райским садам назван «нѣкыи оуноша краснѣ зѣло» (л. 270 об.). В Житии Нифонта вместо этого фигурирует «каженикъ», т. е. кастрат. Данную замену мы относим к изменениям идеологическим, учитывая, какое значение на Руси в XI в. имел вопрос об оскоплении как о своеобразной мере борьбы со страстями.¹³ Самое начало рассказа о Созомене в «Изборнике» содержит тоже характерную замену, которая стоит в несомненной композиционной связи с измененной концовкой. Если в Житии Нифонта мы читаем: «И бѣ же члвкъ нѣкто въ мирѣ живыи», что имеет смысл, непосредственно связанный с упоминанием о последовавшем затем уходе в монашество Созомена, то статья «Изборника» открывается словами: «Бѣ нѣкыи члвкъ живыи въ Иероусалимѣ» (л. 269). Указание на местожительство Созомена не кажется нам случайной или произвольной заменой, произведенной в тексте статьи составителем «Изборника». Хотя в славянских текстах Жития Нифонта нет никакого намека на происхождение Созомена, в греческом оригинале повесть о Созомене пересказывается Нифонтом со слов передавшего ему ее некоего Кириака, который назван «архиереем Иерусалима». Таким образом, появление названия «Иерусалим» в тексте «Изборника» может свидетельствовать либо о том, что его составитель имел возможность обратиться к греческому подлиннику Жития Нифонта, либо о том, что он имел перед собою более сохранный и полный список его славянского перевода, чем тот, которым мы располагаем в рукописи 1219 г.

Вторая группа замен может быть столь же условно названа изменениями композиционно-стилистическими. Глава 69 Жития Нифонта и в греческом, и в древнеславянском изводе обрамляется в качестве встав-

¹³ См.: Н. К. Никольский. О древнерусском христианстве. — «Русская мысль», 1913, июнь, стр. 11 и след.

ного повествования, вкладываемого в уста главного лица Жития в ответ на просьбу некоего брата рассказать о том, какую награду получают от бога те люди, которые дают милостыню нищим. Нифонт соглашается произнести свое поучение, сославшись на то, что он слышал, в свою очередь, от архiereя Кириака. Подобное же сюжетное обрамление сохраняется и в отдельном греческом повествовании о Созомене по списку Венской библиотеки. Составитель «Изборника» оставляет без внимания все эти подробности, как не касающиеся непосредственно главного лица повести. Тем самым повесть приобретает большее композиционное единство и сосредоточивает основное внимание читателей или слушателей именно на практической пользе милостыни как средстве борьбы с общественными неурядицами.

По сравнению с текстом Жития Нифонта текст статьи «Изборника» значительно сокращен. Тем самым он приобретает большую стилистическую заостренность и напряженность, в нем опускаются все длинноты и повторения, в избытке представленные в Житии Нифонта. Особенно сильному сокращению подвергнуто описание райского сада, в котором нередко встречаются громоздкие и тяжелые синтаксические конструкции, обязанные своим появлением рабскому следованию греческому оригиналу со стороны переводчика. Так, предложение: «... еже слышати и видѣти и птица оны безмѣрною сладость творяАхоу челоувѣкоу томоу въ неиздреченьнѣ радости» — в «Изборнике» опущено совсем, и взамен этого внесено: «Источници же течАаху яко и доуга въ красоу стояшти» (л. 270 об.). Иногда в статье «Изборника» пропускаются эпитеты, определяющие те или иные существительные в тексте Жития Нифонта. Так, на л. 272 читаем: «... излѣзъ ис полатѣхъ (≈ полатъ тѣхъ) прииде къ англомъ носА штимъ ларѣ», чему в тексте Жития соответствует: «... излѣзъ от полат тѣхъ прииде къ англомъ страшномъ иже ковѣчежьца оны принесоша». Как видим, здесь опущен эпитет «страшномъ» при слове «англомъ», что, вероятно, могло произойти вследствие казавшейся составителю «Изборника» логической и лексической несовместимости названного эпитета с таким благостным и светлым понятием, как ангел. Кроме того, стилистическая замена состоит здесь в превращении придаточного предложения с относительным подчинением через причастный оборот. В ряде мест наблюдается перестановка слов, в отдельных случаях красочное определение Жития Нифонта заменяется простым логическим. Так, тексту на л. 271 — «И се изидоша ис полатъ тѣхъ моужи крилати свѣта(ш)те са яко и слнце. носаште ларѣ» — в Житии соответствует: «И се изидоша ис полатъ тѣхъ моужи свѣтащеса яко слнце крилати а носашце ковчежьцѣ». Текст Жития Нифонта: «И егда приближиша са къ стоборию златѣмъ покрѣвнѣмоу...» — заменен в «Изборнике» на более простой: «... и егда приидоша къ стоборию ономоу...» (л. 271 об.). Пропуск эпитета «златѣмъ покрѣвнѣмоу» может быть объяснен тем, что несколько выше (л. 271) существительное «стоборие» было определено теми же самыми словами.

Таким образом, как идеологические, так и стилистические замены, произведенные составителем «Изборника», отнюдь не характеризуют его в качестве мало искушенного в словесном искусстве мастера. Наоборот, на наш взгляд, все замены этого рода произведены последовательно и продуманно.

Замены третьего рода мы могли бы назвать собственно языковыми изменениями текста. В отдельных случаях эти собственно языковые замены, как указано в работе Ж. Леписье, могут свидетельствовать о том,

что перед глазами составителя «Изборника» находился более исправный текст Жития Нифонта, чем тот, который дошел до нас в списке 1219 г. Так, на л. 269 читаем: «...оузръѣ нища нага и печальна», чему в Житии Нифонта соответствует: «оузръѣ нища и сквърньна». В греческом тексте находим: *ὄρα πένητα γυμνὸν καὶ λίαν τρυχόμενον*, что значит: увидел нищего, нагого и весьма опечаленного. По предположению Ж. Леписье, в первоначальной редакции славянского перевода на месте второго из прилагательных могло стоять слово «скръбьна», неправильно прочитанное последующими переписчиками в «сквърньна», но правильно по смыслу замененное в статье «Изборника». Вторая подобная же замена обнаруживается на л. 272 об. «Изборника», где находим: «И начаща искладати: срачицѣ и свиты църьскыя и оскрилы красьны...». Этому в тексте Жития соответствует: «И начаша излагати срачицѣ свиты църькыя и брачьныя». Ж. Леписье считает возможным исправить последнее прилагательное на более первоначальное «брачиныя», что должно передавать греческое *λευχότερα*, что в свою очередь, по предположению, высказанному тем же Жаком Леписье, могло бы восходить к более первоначальному греческому *ὄλβητρα*. О соотношении этого последнего греческого слова с древнеславянским «брачиныя» можно прочесть в работе А. Пюша и А. Вайана, посвященной пресвитеру Косме и собору в Ганграх.¹⁴ Если согласиться с доводами французского исследователя, то можно будет признать, что древнеславянское слово «брачинь» (шелковая ткань) устарело и в XI в. было описательно передано через «оскрилы» (края одежды), к XIII же в. оказалось искаженным в созвучное, но далекое по этимологии и по смыслу прилагательное «брачьныя».

Об использовании составителем «Изборника» более исправного текста Жития Нифонта свидетельствует и наше вышеприведенное наблюдение относительно названия «Иерусалим», что не было замечено предшествующими исследователями.

Текст «Изборника 1076 г.», почти на полтора столетия более ранний, чем список 1219 г., отражает и значительно более древнее состояние старославянского и русского языка. Так, мы находим в «Изборнике» систематически проводимое написание буквенного сочетания «шт» на месте позднейшей буквы «щ», например написания: поюшта, прикланяюшти с а (л. 270) и мн. др. Особенно часты такие написания в суффиксах причастий. Нередки в тексте «Изборника» правильные с этимологической точки зрения написания носовых, особенно юса большого, например: единойѣ (л. 269), глѣште (л. 272 об.), дшѣ (л. 275). Систематически проводится в «Изборнике» написание буквы «ять» в приставке «прѣ-». Все эти приметы могут быть возведены к графике и орфографии источника, который был использован составителем статьи «О милостивом Созомене» в «Изборнике». В списке 1219 г. все эти явления сглажены.

Очевидно, к этому же восточноболгарскому первосписку Жития Нифонта можно отнести и написание «жд» в слове «одежду» в «Изборнике» (л. 269), что в списке 1219 г. закономерно изменено на «одежу».

И тем не менее язык статьи «О милостивом Созомене» в тексте «Изборника» все же значительно более насыщен восточнославянскими речевыми элементами, чем язык Жития в списке XIII в. То, что у И. Шевченко названо «киевизацией» старославянского языка, а у Ж. Леписье обозначено термином «лаицизация», особенно ярко сказалось именно

¹⁴ H. Puech et A. Vaillant. Le prêtre Cosmas et le concile de Gangres. — Revue des études slaves, t. XXI, fasc. 1—4, Paris, 1944, pp. 90—96.

на языковых заменах. Если в старославянском тексте «Жития Нифонта» шесть раз встречается слово «ковчежьѣ» в соответствии с греческим *καμψάκιον*, то в статье «О милостивом Созомене» «Изборника» это существительное последовательно заменяется восточнославянским существительным «ларь», которого не мог, конечно, употребить восточноболгарский переводчик, работавший в X в., поскольку слово это попало в древнерусский язык как заимствование из древнескандинавского.¹⁵ Характерно, что в данном случае использование типичной восточнославянской лексики последовательно сопровождается столь же типичным восточнославянским морфологическим оформлением этого слова, которое четыре раза представлено в винительном падеже множественного числа с флексией «-ѣ» и один раз в форме родительного падежа множественного числа с флексией «-евъ» (л. 272 об.). Отметим восточнославянскую флексию «-ѣ» в винительном падеже множественного числа также в словах: «срачицѣ» (л. 272 об.), «вельможѣ» (л. 271 об.), а также в местоимении «ѣ» (винительный падеж множественного числа мужского рода) (там же).

К изменениям языковым отнесем также замену слова с неполногласным сочетанием его полногласным вариантом: «и придосте къ стоборию золотъмь покрвеноу» (л. 270 об.—271) — при: «и придосте къ стоборию златъмь покровеноу» в тексте Жития Нифонта. Напомним, что вторично встречающееся в этом произведении это же сочетание слов в «Изборнике» опущено и заменено местоимением. К подобного же рода заменам относим: «въ другоую ночь» (л. 274 об.) — при: «нощь» в Житии и вышеприведенный глагол «всхочеть» (л. 275) в заключительной части статьи «Изборника».

Характерны и некоторые другие замены лексики и грамматических форм. Причастие «градьи», представленное в Житии, заменено более простым «идьи» в «Изборнике». Причастием этого же глагола «идоуште» (л. 271 об.) заменено причастие «спвюще». Грецизм Жития Нифонта — «кирь Созомене» изменяется в славянское «Ги Созомене». Существительное «вѣие» заменено на «вѣтвие» (л. 270). Повелительное наклонение глагола «оукоряи» превратилось в «поноси» (л. 274). Собирательное существительное «садовие» заменено множественным числом «садове» (л. 270 об.), вслед за тем и глагольная форма сказуемого, согласованного с подлежащим в единственном числе в тексте Жития, закономерно изменяется в форму множественного числа «кольбаахоу са» (л. 270 об.). Множественное число существительного «сады» превратилось в «ограды» (л. 269). Форма будущего сложного второго «боудоу даль» заменилась простым «дамы». Таким образом, мы могли бы квалифицировать общий характер языковых изменений, произведенных при составлении «Изборника», как явную тенденцию к упрощению языка памятника за счет освождения его от редкоупотребительных и малопонятных слов и форм. При этом отметим, что в отдельных случаях это упрощение достигается не только путем замены старославянской лексики через параллельную восточнославянскую, но иногда, как в случае со словом «ограды», и словами южнославянского происхождения и фонетического оформления, но, очевидно, вошедшими уже в широкое употребление в восточнославянской языковой среде.

Таким образом, в процессе редактирования древнеславянского памятника происходила его смысловая, стилистическая и языковая адаптация,

¹⁵ См.: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. II. М., 1967, стр. 460.

приспособление его к вкусам и потребностям читателей, для которых предназначался «Изборник». В результате такого обмирщения, «киевизации», памятник древнеславянского языка русского извода, к какому, бесспорно, должен быть причислен текст Жития Нифонта, бытовавший в Киевской Руси, превращается в памятник древнерусского литературно-письменного языка старшей поры, каким, по единогласному признанию, может считаться «Изборник 1076 г.», несмотря на то, что при его составлении широко использовались как греческие, так и переводные древнеславянские, болгарские по своему происхождению, источники.

Сравнение этих двух текстов, произведенное здесь, наглядно показывает нам, в чем заключается различие между этими двумя чрезвычайно близкими между собою, но отнюдь не тождественными типами литературно-письменного языка киевской эпохи.

Напрашивается еще один вывод, имеющий существенное значение как для истории древнерусского литературно-письменного языка, так и для истории древнерусского переводческого искусства. Если, согласно общепринятому мнению, лексика переводных памятников при их переписке и редактировании на русской почве сохранялась относительно неизменной, то сделанные нами наблюдения показали, что и лексика в переводных произведениях, восходящих к славянскому югу, при их обработке на русской почве могла подвергаться заменам. Это обстоятельство обязывает нас с максимальной осторожностью применять лексический критерий для определения места, где был осуществлен перевод того или иного древнеславянского переводного памятника. Лексический критерий, применявшийся в работах А. И. Соболевского¹⁶ и В. М. Истрина¹⁷ для отграничения переводов, сделанных в Киевской Руси, от переводов, пришедших на Русь из южно- или западнославянских стран, несомненно, остается в целом более надежным, чем все остальные языковые критерии, при определении места перевода и языковой принадлежности переводчика, однако и этот критерий должен применяться с достаточной долей осмотрительности и научной осторожности.

¹⁶ А. И. Соболевский. Особенности русских переводов домонгольского периода. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. — СОРЯС, т. 88, 1910, № 3, стр. 162—177.

¹⁷ В. М. Истрин. Георгий Амартол. Т. II. Пгр., 1922, стр. 271—296.